

НА МАЛЫХ гастролях в петербургском ДК имени Горького московский "Ленком" и Российское театральное агентство показали два спектакля по пьесам Александра Галина - "СОРРИ..." и "ЧЕШСКОЕ ФОТО". Гастроли стали своеобразным бенефисом Николая Караченцова (в первом спектакле он играл в паре с Инной Чуриковой, во втором - с Александром Калягиным). "Звездный" состав обеспечил гастролям громкий успех.

Моментальное фото

ГАЛИН, кажется, единственный современный драматург, чьи пьесы более-менее активно идут на сцене. Он легко нащупывает нерв времени, отзывается на болевые проблемы современности, но находит для них смягчающий ракурс, когда трагедия и горе уходят в подтекст. Текст звучит почти легковесно, и эта утешительная тенденция весьма привлекательна для театров и зрителей.

"Сорри..." в постановке Глеба Панфилова мы видели на предыдущих гастролях театра два с лишним года назад. "Чешское фото", поставленное самим драматургом, - новый спектакль, премьера которого прошла в декабре. Посмотрев подряд два спектакля, мы можем убедиться в том, насколько разным может быть на сцене Николай Караченцов, насколько широки творческие возможности высококлассного актера.

Конфликт пьесы "Чешское фото" лапидарен и прост. На сцене - богатый Павел Раздорский (Александр Калягин) и бедный Лев Зудин (Николай Караченцов). По-чеховски это звучало бы "толстый и тонкий". Пьеса Галина - набросок, зарисовка, "сюжет для неболь-

Николай Караченцов создает нечто фантастически обаятельное, что-то среднее между бомжом и святым...

шого рассказа". Встречаются два друга юности, два бывших саратовских фотографа. Один несметно богат и может покупать заводы, дворцы, пароходы, другой - "нищий философ". Таковыми они и остаются до конца пьесы.

Александр Калягин дарит "толстому" черты своего сценического имиджа - вальяжность, привлекательное нахальство, искрящееся обаяние, но снабжает его и некими "собственными", идущими от личности актера чертами - интеллектом и мягкостью.

Николай Караченцов, выступающий в роли "тонкого", из "красавца мужчины" превратился в трогательного юродивого. Превращение настолько выразительно и органично, что заставляет следить за актером не отрывая глаз. При том, что сюжетные ходы пьесы вполне предсказуемы - диссидентская

юность, единственная и неповторимая для героев любовь, девушка, чье изображение появилось в журнале "Чешское фото", и как результат тюрьма и бездомность героя Караченцова. Кажется, правда, что автор пропускает какой-то существенный отрезок истории, сближает эпоху, когда за фотографию обнаженной натуры, опубликованную в зарубежном журнале, сажали в колонию, с нашим временем, когда обозначился раскол между богатыми и бедными.

То, что играет Николай Караченцов, одним словом не определишь. Не отягощая внимания публики натуралистическими подробностями, он создает нечто фантастически обаятельное, что-то среднее между бомжом и святым. Его герой все еще верует в идеалы юности, в чистую любовь, а может быть, придумывает для себя "символ веры", убавляя память. При этом актер играет смешно, как и положено в комедии. Лева Зудин - человек искусства. Пальцы фотографа изящно собраны в щепоть, как будто всегда готовы щелкнуть затвором. На ногах сандалеты, на голове черная беретка. Вельветовые штаны, плащ-болонья. На лице почти постоянная улыбка - от привычки обольщать клиента, но и от умения удивляться миру

- его красоте и его пакости. Наивная распахнутость тоже "профессиональная" - ведь надо вобрать в себя как можно больше впечатлений, точно почувствовать объект съемки.

Профессионал он, видимо, и в самом деле хороший, но когда кричит "мне ничего не надо" - это не "унижение паче гордости", это особый тип сознания. Это человек-бессребреник, который может жить около любимой женщины, нищенствовать, но пальцем не пошевелит, чтобы изменить положение...

Откуда взялись в актере такая мягкость, глубокая нежность, да еще при столь острохарактерном рисунке? Как сошлись в роли ненавязчивая твердость и полудетская восприимчивость? Вот уж современный тип, более некуда, и до обобщений рукой подать. Разнообразные юродивые во множестве бродят вокруг нас, а докопаться до нутра, увидеть "свет во тьме", скрытый, не выставляемый напоказ, - это уже удел искусства. При этом сыгран герой так, что иголку нельзя пропустить между актером и ролью.

Этот приезд в Петербург для Николая Караченцова, как и прежде, был счастливым. Он вышел на сцену в таком облике, что его не сразу узнали, а ушел победителем. Победительность вообще в характере артиста, но здесь он выиграл по высшему счету - профессиональному и человеческому, превратившись в "героя нашего времени", отвратительного и обаятельного, уязвленного, беспомощного и узнаваемого.

Марина БЕРЛИНА

Это Виталий СУТУЛОВА

Сцена - СПб. - 1996. - 13 февр. - с. 5.